

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

² Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: liudmilamy@mail.ru

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА БЕРЕЗОВЫЙ ОСТРОВ-1 В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 06/01*

Процесс перехода от бронзового века к железному был многоплановым, сложным и, очевидно, относительно продолжительным. Но единые хронологические рамки этого периода для территории Западной Сибири установить трудно. При этом нижний и верхний пороги, фиксируя соответственно начало трансформации культур поздней бронзы и завершение формирования культур раннего железного века, в разных регионах Сибири могут иметь различные даты. Анализ новой керамической коллекции, полученной из раскопа 06/01 памятника Березовый Остров-1, и аналогичных из памятников переходного времени подтверждает высказанную ранее гипотезу об одновременном существовании гончарных традиций переходного времени от бронзового к железному веку и раннего железного века. Предложена дата позднего этапа существования для переходных памятников, а также момента прихода нового населения раннескифского облика – конец VII – VI в. до н. э.

Ключевые слова: Западная Сибирь, переходное время от бронзового к железному веку, ранний железный век, поселение, керамический комплекс.

Выгодное положение лесостепной зоны Сибири способствовало широким контактам носителей местной культуры переходного времени от бронзового к железному веку с представителями соседних регионов. В ходе многолетних исследований памятников переходного времени от бронзового к железному веку созданы определенные типологические схемы развития керамических комплексов, инвентаря, экономики (см., например: [Зах, 1997; Молодин, 1985; Молодин, Колонцов, 1984; Молодин и др., 2001; 2004; Троицкая, 1985] и др.). Однако у исследователей сложилось неоднозначное отношение к датировкам и интерпретации некоторых керамических комплексов. Особенно это касается начального периода раннего железного века. Высказана гипотеза об одновременном существовании культурных образований переходного времени от бронзового к железному веку и раннего железного века [Молодин, 1985. С. 163; Полосьмак,

1987. С. 101]. Анализ новой керамической коллекции, полученной из раскопа 06/01 памятника Березовый Остров-1, подтверждает эту точку зрения.

Памятник Березовый Остров-1 расположен в Мошковском районе Новосибирской области (рис. 1), в широкой пойме левого берега р. Обь, на одноименном урочище, поросшем березовым лесом. Урочище (примерно 550 × 220 м) возвышается над окружающей местностью и находится на правом берегу р. Уень, в 0,2 км от нее, в 4 км к северо-западу от с. Старо-Дубровино, в 3–5 км к юго-западу от с. Черный Мыс [Адамов, 2000. С. 106–110]. Памятник, представляющий собой курганную группу, обнаружен В. А. Дремовым, частично исследован в 1962, 1968, 1974, 1985, 1986 гг. Т. Н. Троицкой, А. В. Матвеевым и А. А. Адамовым. В археологической литературе известен как курганный могильник средневековья Березовый Остров-1 (именно на нем велись все

* Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проекты «Лесостепное Обь-Иртышье: взаимодействие пришлых и аборигенных культур бронзового века – средневековья», «Технологии древних производств в системе адаптации населения лесостепной зоны Западной Сибири (по материалам поселенческих комплексов эпохи поздней бронзы – раннего железного века)», гранта НШ-1648. 2008.6.

Рис. 1. Место нахождения памятника Березовый Остров-1

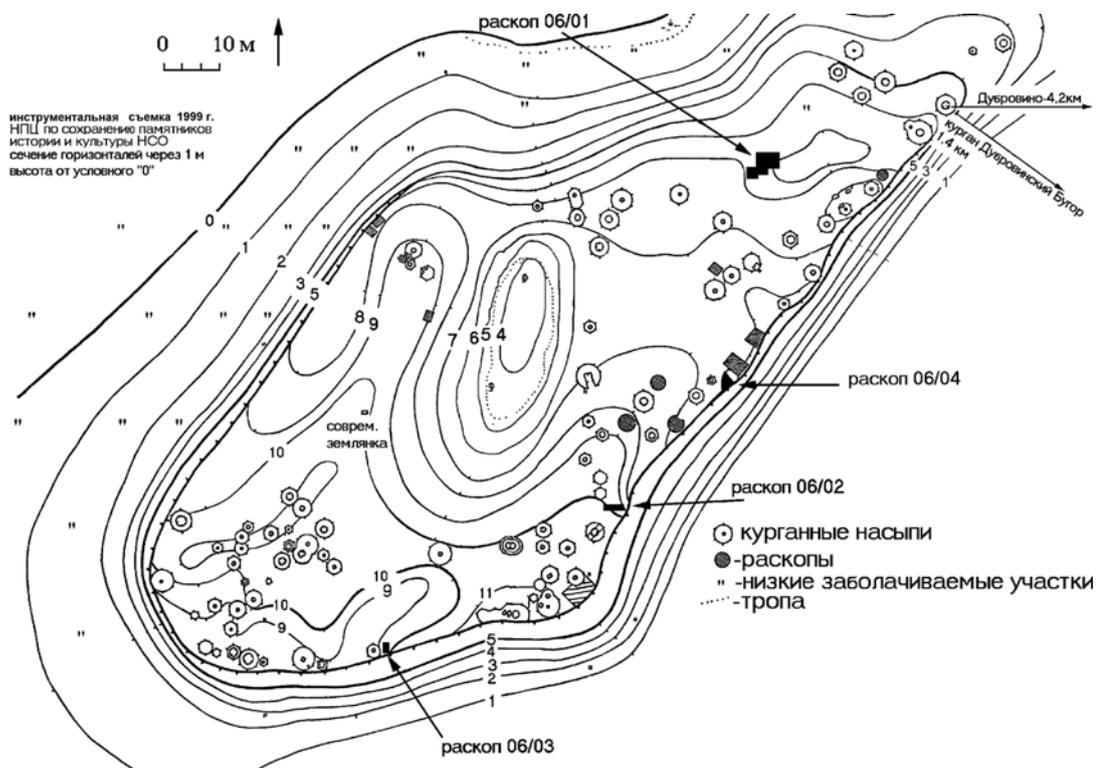

Рис. 2. План расположения раскопов 2006 г. на территории памятника Березовый Остров-1

работы) и городище Березовый Остров-2 [Троицкая и др., 1980. С. 83]. При раскопках средневековых объектов исследователи отмечали, что погребения были впущены в слой эпохи поздней бронзы [Адамов, 2000. С. 106–107; Троицкая, 1985. С. 59. Рис. 5, 3, 5; Троицкая и др., 1980].

Целью работ 2006 г. было изучение межкурбанной площади памятника, выявление материалов эпохи поздней бронзы. Четыре раскопа общей площадью 264 кв. м были заложены в восточной, южной, юго-восточной и юго-юго-восточной частях памятника. Для удобства фиксации и учета находок каждому раскопу был присвоен номер: 06/01; 06/02; 06/03; 06/04 (рис. 2). В данной работе анализируются материалы, полученные из раскопа 06/01.

Раскоп № 06/01 (рис. 3, 1) разбит в восточной части памятника, на границе с неглубокой природной западиной, в межкурбанном пространстве. В этой части объекта курганы расположены редко, не кучно. Раскоп площадью 145 кв. м, состоявший из трех прямоугольников размерами 7 × 8,

5 × 11 и 6 × 6 м, накрыл небольшую западину и невысокий холмик [Мыльникова и др., 2006]. Нивелировка сектора по метровой сетке показала, что перепады между высшей и низшей точками поверхности составляют 0,72 м.

В работе предложено описание бровок с¹/III-5 и Д¹-h¹/4 как наиболее информативных по предлагаемой теме. Стратиграфическая колонка представляла собой следующее чередование основных слоев:

- слой 1 – дерн;
- слой 2 – темная гумусированная супесчаная почва;
- слой 3 – светло-серый песок, мешанный с темной почвой;
- слой 4 – светло-коричневый крупнозернистый песок;
- слой 5 – светло-серый, мелкий песок;
- слой 6 – проквал оранжевого цвета;
- слой 7 (заполнение ямы 2) – темно-серый песок с угольками;
- слой 8 – черная, сажистая супесь;
- материк – желтый плотный суглинок.

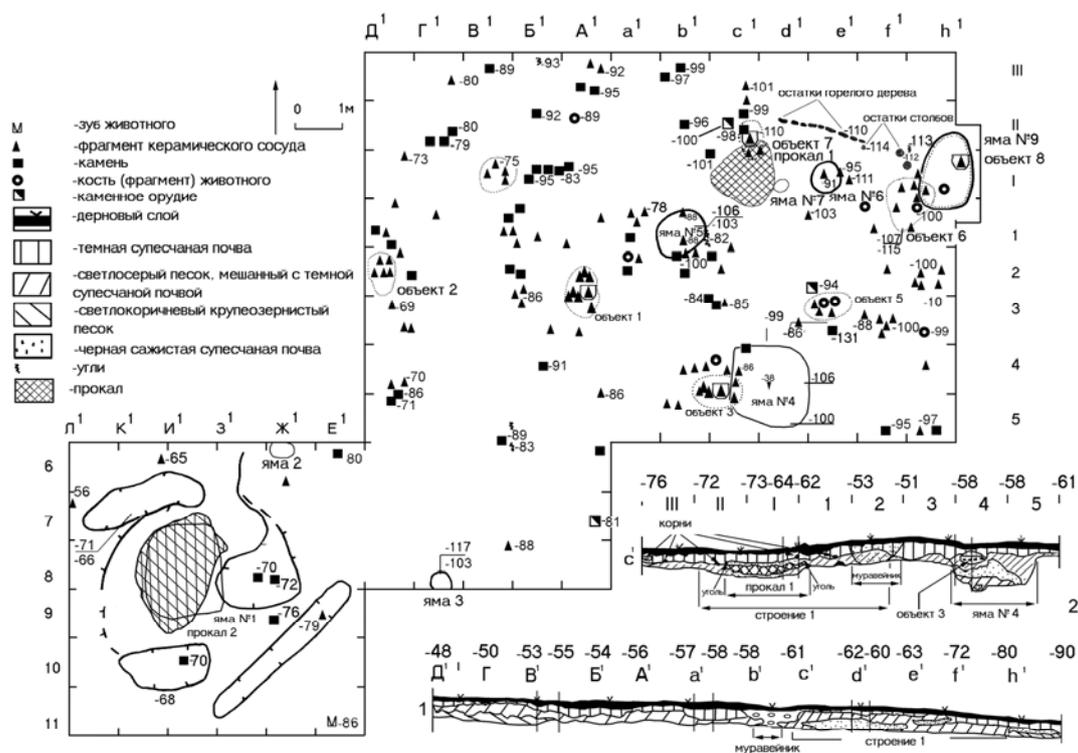

Рис. 3. План (1), стратиграфические разрезы по линии с¹/III-5 (2) и Г¹-h¹ (3) раскопа 06/01 памятника Березовый Остров-1

В бровке по линии с¹/III-5 (рис. 3, 2) разница между нижней и верхней точками составила 0,25 м. Верхний дерновый слой имел мощность до 0,16 м. Центральную часть бровки, в кв. с¹/2, перерезал муравейник. Ниже дерна располагался слой темной гумусированной супесчаной почвы (слой 2). Мощность слоя – от 0,08 до 0,2 м. В нем, в кв. с¹/III-I, содержались фрагменты горелого дерева и угля. Слой 2 лежал на слое 3, светло-сером песке, мешанном с темной почвой. В кв. с¹/II-I в слоях зафиксирован прокал 1, ярко оранжевого цвета, описание которого дано ниже. В кв. с¹/4-5 – слой 3 частично являлся заполнением ямы 4, которое также включало прослойку из слоя 8, мощностью до 0,3 м. Над ямой, точнее, на яме, в кв. с¹/4, в слое мешанного светло-серого песка с темной супесчаной почвой, залегал объект 3. Материк – желтый слоистый суглинок.

Бровка по линии Д¹-h¹/1 (рис. 3, 3) перпендикулярна вышеописанной. Разница между нижней и верхней точками составила 0,14 м. Верхний дерновый слой имел мощность до 0,16 м. Ниже залегал слой 2 с неровной нижней границей. В кв. b¹/1 слои разрушены муравейником. Под слоем 2 по всему раскопу располагался слой светло-серого песка, мешанного с темной суглинистой почвой (слой 3). Его мощность –

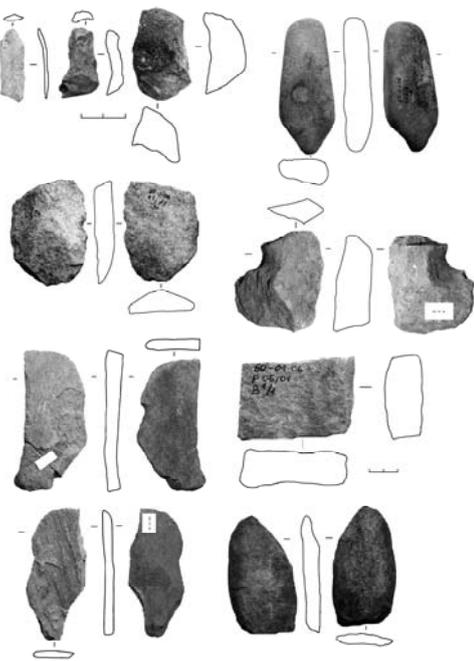

Рис. 4. Каменные изделия памятника Березовый Остров-1

от 0,05 до 0,3 м. В кв. Д¹ – Г¹/1 и h¹/1 под слоем 3 залегал слой 4 – светло-коричневого крупнозернистого песка мощностью до 0,2 м. В кв. с¹-e¹/1, e¹/1, h¹/1 слой 3 перерезал черную, сажистую супесь (слой 8). Этот слой являлся непосредственным заполнением строения 1. Его мощность составила от 0,08 до 0,24 м.

Таким образом, для раскопа 06/01 основными слоями, которые содержали большую часть находок, являлись 2 и 3 – темная супесчаная почва и светло-серый песок, мешанный с темной супесчаной почвой. Материк по всей площади раскопа одинаков – желтый суглинок.

Дерновый слой (1) по всей площади раскопа довольно тонкий и имел мощность не более 0,16 м. При вскрытии дернового слоя были обнаружены фрагменты костей и зубы животных.

Под дерном залегал слой темной супесчаной почвы, который в сыром состоянии имел черный, а в сухом – серый цвета (слой 2). Слой 2 составил в отдельных квадратах два горизонта. Однако это разделение условно, так как по всей толщине он представлял единую массу.

В горизонте 1 находки были сосредоточены в большей степени в кв. Д¹-с¹/III-5. В основном это фрагменты керамики, реже – необработанные камни (кв. b¹/2, с¹/2, b¹/4, Д¹/8, В¹/8), иногда зубы (кв. с¹/II, a¹/1) или кости животных (н. о. –76, –79). В кв. Б¹/2 зафиксирован фрагмент горелого дерева, в кв. Г¹/6 – два фрагмента керамики и обломок каменного орудия, н. о. –70 (рис. 4, 3). Точильный камень обнаружен в кв. Б¹/2, н. о. –79 (рис. 4, 10).

Горизонт 2. По всей площади раскопа разбирался слой 2, насыщенный массовым материалом. В заполнении горизонта 2 частично располагались объекты 2 и 3. Их характеристика приводится при описании разборки горизонта 3.

В кв. b¹-с¹/1 был выявлен прокал-очаг 1, мощностью 0,28 м. Размеры прокала: 1,6 × 1,0 м. Кроме этого, в кв. e¹-f¹/II, h¹/I, b¹/1 и Б¹/5 обнаружены кусочки горелого дерева. Абразивный камень найден в кв. b¹/III. Плитка из сланцевого песчаника разделена на две части. При этом боковые грани каждой части имеют различную форму, что дает основание для предположения их самостоятельного использования (рис. 4, 7, 9).

Горизонт 3. В кв. К¹-З¹/7-9 был выявлен провал 2, заполнение которого представляет собой сильно прокаленный песок ярко оранжевого цвета, мощностью до 0,2 м. Размеры провала – 2,25 × 1,4 м. В заполнении находок нет. При разборке горизонта 3 зачищено четыре объекта, включая 2 и 3, выявленные в предыдущем горизонте.

Объект 1 располагался в кв. А¹/2-3 (н. о. –73, –79). Представлял собой скопление фрагментов керамики раннежелезного облика. Объект 2 находился в кв. Д¹/2 (н. о. –72, –85). Состоял из скопления очень мелких фрагментов керамики периода ранней бронзы и трех необработанных камней (гранитоиды). Подобная керамика зафиксирована также и в раскопе № 06/03. Объект 3 занимал кв. В¹-С¹/4-5 (н. о. –79, –89). Состоял из скопления костей животных и развалов 2-х сосудов. Объект 4 находился в кв. В¹-В¹/I (н. о. –75, –79). Это скопление очень мелких фрагментов керамики, относящихся к средневековью. Объект 5 располагался в кв. Е¹/3 (н.о. –88, –95) и представлял собой скопление костей животных (среди которых были зубы травоядного), фрагментов керамики от одного сосуда и скребок (рис. 4, 6).

Из индивидуальных находок стоит отметить фрагмент грузила в кв. А¹/7 (н. о. –81) (рис. 4, 5), каменные пластины в кв. Ж¹/8 (рис. 4, 1, 2).

Горизонт 4. После зачистки горизонта 3 в северо-восточной части раскопа выделен слой 8, являющийся, как выяснилось, заполнением строения. Строение № 1, по-видимому, было наземным и имело подквадратную форму. В кв. d¹-h¹/I-II по остаткам горелого дерева прослежены северо-восточная стенка и три столбовые ямы вдоль нее. Длина стенки – 1,65 м. Очевидно, вдоль стены внутри строения были вкопаны три столба, снаружи стенку подпирала доска. У северо-западной стенки располагался провал-очаг 1 мощностью 0,28 м, верхняя часть которого зафиксирована еще при зачистке горизонта 2. В его заполнении ярко-красного цвета найдена челюсть животного и большой фрагмент керамики. Рядом с очагом находился объект № 7. Также вокруг очага встречаются фрагменты горелого дерева. Юго-западная стенка конструкции (кв. а¹-с¹/1-3) прослеживается слабо и выявлена по цветности слоя заполнения.

Объект 7 находился в кв. с¹/I-II (н. о. –100, –110). Включал развалы двух сосудов, точило и ударник (рис. 4, 4, 8), два необработанных камня и скопление костей, среди которых есть челюсть животного. Объект 6 помещался в кв. f¹-h¹/1 (н. о. –106, –115). Состоял из скопления фрагментов от трех сосудов.

С южной и западной сторон провала 2, описанного выше, обнаружено пятно светло-коричневого крупнозернистого песка. Оно четко отличалось от окружающей почвы, имело подпрямоугольную форму с вытянутым западным углом. Длинной стороной ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Размеры: 2,9 × 2,5 м. В заполнении находок нет.

Горизонт 5. В кв. Д¹-А¹/III-8 шла подчистка материкового слоя. В кв. а¹-h¹/III-5 выбраны остатки заполнения строения 1 (слой 8), дочищены объекты 7 и 6, разобран слой 4 (крупно-зернистый песок), окружающий строение. К юго-западной стенке строения примыкала яма № 4. В заполнении ямы, в верхней части, – кости животного (отдельные из них обожжены) и фрагменты керамики. По-видимому, развал сосуда (объект № 3), зачищенный выше костей, относится к этой же яме. В кв. Л¹-Е¹/6-11, на уровне горизонта 5, выявлены неглубокие канавки и возвышения. Канавка-ровик в кв. Л¹-И¹/6-7 – с закругленными концами, чашевидным дном, ориентирована по линии запад – восток с отклонением к югу. Размеры: длина 2,5 м, ширина 0,85–0,9 м; глубина – 0,06–0,07 м. Заполнена светло-коричневым мелкозернистым песком. Найдок нет. В 2,5–3 м к югу от нее, в кв. К¹-И¹/10, располагалась еще одна канавка-ровик с таким же заполнением. Размеры: 1,8 × 0,93 м, глубина 0,05 м, ориентирована по линии запад-восток с малым отклонением к югу. В кв. И¹/10 в канавке почти на самом дне зачищено скопление мелких угольков и камень без следов обработки (н. о. –70). Еще одна канавка располагалась в кв. И¹-Е¹/8-11. Размеры: 4,0 × 0,4–0,5 м, глубина 0,04–0,06 м. В заполнении обнаружен фрагмент керамики (н. о. –82). Между этими канавками-ровиками, образующими неправильный незамкнутый круг, находились два возвышения (выбросы из канавок?). На одном из них, в кв. И¹/7, зачищено скопление угольков (н. о. –73).

После снятия и зачистки 5 горизонта на уровне материка выявились черные пятна, разногруппированные и разнонаправленные, разного размера. Все они (9 объектов на площади раскопа) выбирались как грунтовые ямы. Ямы № 5–7 находились внутри выявленной границы конструкции, а № 8–9 – за границами, примыкая к северной и восточной стенкам.

Как уже было отмечено, по-видимому, конструкция использовалась в качестве временного летнего жилища. Стенки с подветренной стороны, в районе очага, были укреплены досками. Жилище сгорело, возгорание произошло в районе очага. Анализ найденной на памятнике ихтиофауны, происходящей из хозяйственной ямы № 9, расположенной у хорошо сохранившейся северо-восточной стенки строения № 1, также указывает на сезонный характер строения. В плане яма 9 имела форму неправильной трапеции. Западная стенка – наклонная, южная, северная и восточная – отвесные. Дно неровное, слегка понижается к южной стенке. Размеры ямы – 1,6 × 1,15 м, глубина 0,25–0,3 м. В яме зачищен объект 8. Объект 8 располагался в кв. h¹/I-II (н. о. –125, –148)

и состоял из скопления фрагментов керамики от одного сосуда, костей животных, среди которых был череп лошади с верхней челюстью, костей и чешуи рыб. Скопление рыбьих костей и чешуи прослежено ниже, ближе к дну ямы.

Найденные здесь ихтиологические материалы отличаются разнообразием. Определение возраста рыб проводилось по чешуе. Она промывалась в растворе до обнажения годовых колец, после чего подвергалась бинокулярному изучению. Размеры и вес рыбы выявлен исходя из размеров костей. Судя по склеритам чешуи, вся найденная здесь рыба выловлена в один период, в начале лета (май-июнь) [Конева и др., 2006]. Проведенный анализ показывает наличие в коллекции пяти видов рыб. Все выявленные особи относятся к так называемым туводным (речным) породам.

Окунь (*Perca fluviatilis*) – сохранились костные останки, в частности кости черепа, ребра, туловищные и хвостовые позвонки, чешуя. Судя по склеритам чешуи, можно сказать, что в основном отлавливались средние половозрелые особи (≈ 3,5–4,5 года, весом ≈ от 0,2 до 0,5 кг).

Характеристика ям раскопа 06/01 памятника Березовый Остров

Номер ямы	Квадрат	Размер	Глубина	Заполнение	Находки
1	Ж ¹ /6	0,32 × 0,32	0,09–0,16	Крупнозернистый песок желтого цвета	–
2	И ¹ -З ¹ /6-8	1,59 × 1,4	0,72–0,77	–	–
3	Г ¹ /8	0,2 × 0,2	0,17	Светло-серый мелкий песок, мешанный с темной почвой	–
4	с ¹ -d ¹ /4-5	1,52 × 1,6	0,39	Светло-серый мелкий песок, мешанный с темной почвой; черная, сажистая супесь	Фрагменты керамики (стенки) – 3 Кости жженные – 3
5	а ¹ -в ¹ /I-II	1,0 × 0,8	0,39	Серый песок	Камень – 2
6	е ¹ /I	0,58 × 0,6	0,15	Серый песок	Камень – 1
7	d ¹ /I	0,12 × 0,12	0,08–0,01	Серый песок	
8	с ¹ -f ¹ /III-II	1,0 × 0,58	0,07–0,11	Мешанный черно-желтый песок	
9	h ¹ /II-1	1,60 × 1,0	0,23	Мешаная серо-черная почва	Объект 8

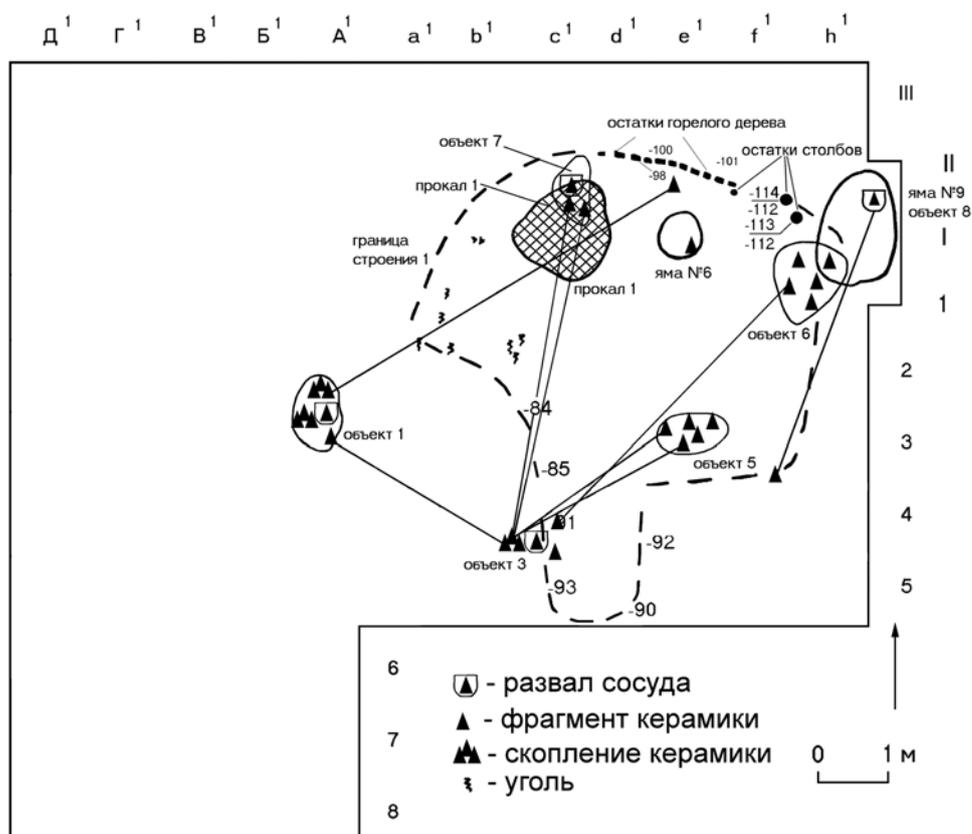

Рис. 5. Распределение фрагментов от одного сосуда по объектам на площади раскопа 06/01 памятника Березовый Остров-1

Щука (*Esox lucius*) представлена чешуей, костей мало, в основном это ребра, два позвонка и фрагмент черепа – парасфеноид. Как правило, в коллекции встречаются крупные взрослые особи 6,5–7,5 лет весом 3–7 кг.

Стерлядь (*Acipenser ruthenus*) – костные останки представлены достаточно большим количеством жаберных крышек.

Сибирская плотва (*Rutilus rutilus*) представлена чешуей и глоточными зубами. В изученной коллекции встречена чешуя только от крупных старых особей возрастом до 10,5 лет.

Язь (*Leuciscus idus*) представлен только чешуей. Отсутствие в слое костей этого вида рыб предположительно объясняется их тонкостью и хрупкостью, что могло привести к полному разрушению.

Яма № 2 находилась в кв. И¹-З¹/6-8. Размеры: 1,59 × 1,4, глубина 0,72–0,77 м от уровня материка. Имела неправильную форму. В заполнении ямы выявлено определенное напластование слоев. В верхней части (на глубину до 0,21 м) располагался слой

светло-коричневого крупнозернистого песка. Под ним залегал слой темно-серого песка с угольками мощностью до 0,42 м. В нем находилась линза прокаленной почвы оранжевого цвета мощностью 0,18 м, диаметром 0,41 м. Прокал лежал на слое темно-серого песка мощностью 0,14 м. В углу ямы выклинивалась линза серого крупнозернистого песка. Находок в заполнении нет.

По-нашему мнению, возвышенность, фиксируемая визуалью до начала раскопок, очевидно, является сооружением без погребения (кенотаф) средневекового времени, к которому относится основная масса курганных насыпей на памятнике.

Основные характеристики ям, выявленных на площади раскопа 06/01, представлены в таблице (см. ниже).

Таким образом, изучение памятника Березовый Остров-1 позволило выявить сезонную конструкцию. Шесть объектов (№ 1, 3, 5–8) – развалы или скопления фрагментов керамики с костями животных, планиграфическое распределение которых доказывает их связь со строением, фиксирует переме-

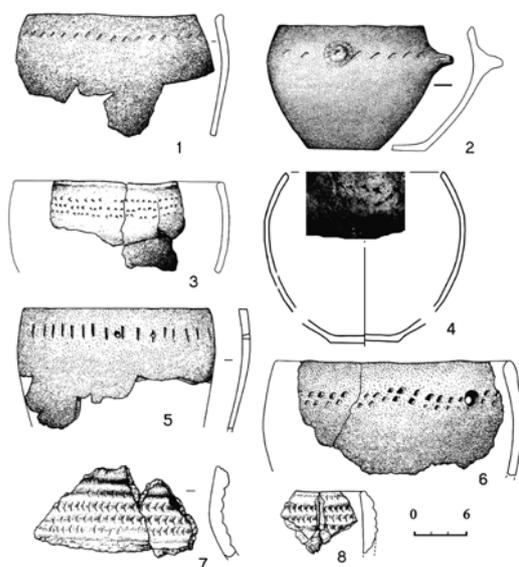

Рис. 6. Керамика памятника Березовый Остров-1:
1, 5 – объект 7; 2, 3 – объект 1; 4 – объект 3;
6 – объект 5; 7, 8 – объект 6

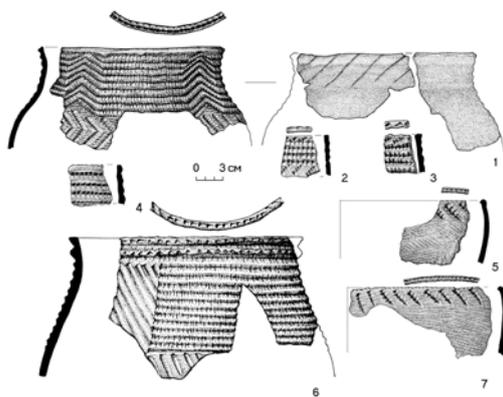

Рис. 7. Керамика из заполнения жилища 17 (1–4)
и зольника (5–7) поселения Линево-1

щение фрагментов и связь сосудов с очагом 1 и хозяйственными ямами № 9 и 4 (рис. 5), располагающимися, очевидно, с внешней стороны конструкции.

Объект 1 включал развалы трех сосудов. Один из них – с ушками-пеньками, баночной формы (рис. 6, 2). Второй сосуд, также баночной формы, орнаментирован рядом вдавлений (рис. 6, 3). Фрагмент от него зафиксирован внутри строения в кв. е¹/II. От третьего сосуда реконструирована верхняя часть. Объект 3 включал развалы от двух сосудов (рис. 6, 4). Фрагменты от сосуда 1 фиксируются в объектах: № 1 – один, № 5 – два, № 7 – два. Обломок венчика от

сосуда 2 находился в объекте 6. Объект 5 включал развал сосуда, баночной формы (рис. 6, 6). Фрагменты от него также зафиксированы в объектах 3, 1. Объект 6 перекрывал яму 4, содержал фрагменты не менее чем от трех сосудов. Фрагменты одной из частей фиксировались в объекте 3. Особый интерес в этом объекте представляет скопление фрагментов от двух сосудов (рис. 6, 7, 8). Подобная керамика обнаружена авторами данной статьи при разборке материалов этого же памятника из кургана 10 (инвентарный номер 525/1) раскопа 1986 г. А. А. Адамова в погребенном под насыпью кургана слое. Аналогии известны также в материалах поселения переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 [Мыльникова и др., 2003. С. 462. Рис. 3, 5; 2004. С. 392–393; 2005. С. 435]. В. И. Молодин и Л. Н. Мыльникова [2005] отнесли данный материал к пятой группе керамики. Для памятника Линево-1 это сосуды с высокой прямой или воронкообразной горловиной, высокими плечиками, а также изделия баночной формы. Своеобразно оформление венчика: орнамент наносился сильными надавливаниями концом палочки, что превращало срез венчика в площадку с опущенными краями. Сосуды имели светлую, бежевую окраску. Рецепт формовочных масс – глина + породные обломки. При жгутовом способе формовки жгуты, накладываясь друг на друга, очень сильно разминались. Специфичен орнамент изделий: горизонтальные, наклонные и меандрообразные линии, выполненные прочерчиванием и отступанием лопаточкой с треугольным по форме рабочим краем (крестовый штамп?). Бордюрный способ нанесения орнамента на одном сосуде сочетается с сетчатым. Зачастую под декором читается слой технического орнамента в виде сгруппированных следов расчесов зубчатым инструментом. На одном фрагменте сосуда орнамент в виде наклонных длинных линий присутствует на внутренней стороне горловины. Есть сосуд с двумя рядами наlepных валиков, рассеченных отпечатками лопатки (как и по срезу венчика), расположенных на горловине (рис. 7).

Следует заметить, что подобная керамика обнаруживалась и ранее, но в силу своей необычности оставалась без надлежащей оценки: В. А. Зах опубликовал фрагмент сосуда среди материалов переходного вре-

мени [Зах, 1997. С. 90. Рис. 34, 14], однако никак его не обозначил. По мнению В. И. Молодина и Л. Н. Мыльниковой, высказанному в 2005 г., данная гончарная традиция – явно пришлая и принадлежит к какому-то особому, пока еще не известному, культурному образованию. Технология изготовления этой посуды, ее форма и орнамент более всего ассоциируются с керамикой Средней Сибири (Северное Приангарье) [Дроздов и др., 1990. Рис. 90–91]. Высказано предположение о том, что носители данной керамической традиции обитали в таежной зоне. Судя по встречаемости этой посуды в комплексе с керамикой с «крестовым» орнаментом и позднеирменской, это следы носителей особой культуры переходного от бронзы к железу времени, памятники которой еще предстояло найти и исследовать в очерченном регионе [Молодин, Мыльникова, 2005. С. 403]. В настоящее время по материалам стоянок Самоделка-2, Малая, поселений Островки-2, Подъемная-2¹ П. В. Мандрыка выделил самоделкинский тип керамики [2008], датировав его в пределах финальной стадии бронзового века. Происхождение керамики самоделкинского типа он видит в смешении традиций изготовления керамики носителей посуды бобровского типа с гребенчато-пунктирной орнаментацией, которая характеризует культуру местного енисейского населения в ранний и развитый периоды бронзового века [Мандрыка и др., 2003. С. 170], и носителей ымыяхтахской традиции изготовления керамики (с «вафельным» и рубчатым техническим декором) [Мандрыка, 2008]. Очевидно, движение этой группы населения на запад и фиксируют находки на поселениях Линево-1 и Березовый Остров-1.

Объект 7 (см. рис. 6, 1, 5) состоял из развала сосуда и фрагментов от изделия из объекта 3. В объекте 8 (заполнение ямы 9) находился развал сосуда, фрагмент от которого зафиксирован в кв. f¹/3.

Из всех перечисленных объектов выявлено 11 сосудов, два из которых – археологически целые. Все изделия – баночной

формы, у реконструируемых форм плоское дно. Орнамент очень простой и однотипный, расположен на плечике сосуда. Представлен рядами оттисков лопатки (в том числе ребристой), гребенки и жемчужин. Один из сосудов – с дополнительными деталями в виде ушек-пеньков, расположенных на плечиках на уровне орнаментальной зоны (рис. 6, 2).

Керамику подобного типа принято относить к кругу культур раннего железного века. Например, в Новосибирском Приобье можно назвать следующие объекты, где она найдена: поселение Ордынское-9, городище Каменный Мыс, могильник Новый Шарап [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. IV, 16, 19; XXI, 2, 4, 5, 13], а также отнести сюда материалы памятников раннего железного века Томского Приобья [Плетнева, 1977. Рис. 5, 3; 18, 1]. Однако раскопки памятников переходного времени от бронзового века к железному – поселения Линево-1, городища Чича-1 [Молодин и др., 2001; 2004], Завьялово-5, также выявили подобную керамику. В Линево-1 развалы сосудов «раннежелезного облика» зафиксированы на полу жилища 17 и в зольнике [Мыльникова и др., 2003; 2004; 2005]. На Чиче-1 она встречена в материалах заполнения жилищ переходного времени 3а, 8а [Молодин и др., 2004]. Присутствие керамики с чертами посуды раннего железного века описанного типа вместе с позднеирменской на городище Чича-1 отмечала также Н. В. Полосьмак [1987. С. 101]. Т. Н. Троицкая нашла несколько обломков сосудов такого типа в осыпи слоя городища Завьялово-5 [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 11. Табл. XI, 7–8]. В материалах поселения Мыльникова также имеются изделия с подобными характеристиками [Папин, Шамшин, 2005. С. 167. Рис. 41, 3].

Стратиграфическая ситуация и контекст нахождения керамики в слоях переходного времени позволяют говорить об одновременном существовании двух керамических традиций. А это значит, что для переходных памятников подобная керамика маркирует их поздний этап существования, а также момент прихода нового населения раннескифского облика. При этом керамика переходного времени зафиксирована в материалах памятника раннего железного века

¹ Мандрыка П. В. Отчет о полевых исследованиях Разведочного отряда Археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1988 году // Архив ИА РАН, Р-1 № 13098. С. 93–95; ККК кол. 10883/479 – 1–11.

[Троицкая, Бородовский, 1994. С. 8, 40], что подтверждает идею контакта двух разных групп населения.

Для поселения Березовый Остров-1, раскоп 06/01, проквал 1, получены две даты: СО АН-6659 2390 ± 80 (калибровка по 2 sigma BC 785–358); СО АН-6660 2275 ± 60 (калибровка по 2 sigma BC 481–468).

Соответственно, один и тот же объект датируется от VIII до V вв. до н. э. Момент сосуществования или контакта носителей традиций культуры переходного времени и раннего железного века, видимо, приходится на конец VII – VI в. до н. э. Вероятнее всего, исходя из радиоуглеродных дат и наличия переходной керамики в данном комплексе, датировать строение 1 следует концом VI в. до н. э. Городище Каменный Мыс, где подобная керамика выявлена в «чистом виде», очевидно, синхронно строению 1 раскопа 06/01. Находки на городище деталей раннескифского уздечного набора в виде бронзовых удили и распределителя для перекрещивающихся ремней [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 41, рис. 2, 7], аналогии которому известны в материалах городища Чича-1 [Молодин и др., 2001. С. 188, рис. 30, 4], могут служить подтверждением одновременного существования памятника Каменный Мыс и строения 1 Березового Острова-1. Очевидно, с этим же периодом связано движение населения из Восточной Сибири – носителей своеобразной керамики, которая фиксируется на памятниках Линево-1 и Березовый Остров-1.

Список литературы

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.

Дроздов Н. Н., Чеха В. П., Лаухин С. А., Кольцова В. Г., Акимова Е. В., Ермолаев А. В., Леонтьев В. П., Васильев С. А., Ямских А. Ф., Демиденко Г. А., Артемьев Е. В., Викулов А. А., Бокарев И. В., Сидоров С. Д. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири бассейна р. Енисей. Экскурсия № 2. Новосибирск, 1990. 185 с.

Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 132 с.

Конев А. Л., Мильникова Л. Н., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Ихтиологические

материалы поселения Березовый Остров-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 года. Новосибирск, 2006. Т. 12, ч. 1. С. 378–380.

Мандрыка П. В. Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 414–417.

Мандрыка П. В. Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1. С. 79–84.

Мандрыка П. В., Ямских А. А., Орлова Л. А., Ямских Г. Ю., Гольева А. А. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. Красноярск, 2003. 222 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Новикова О. И., Ефремова Н. С., Чемякина М. А., Мильникова Л. Н., Васильев С. К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Маништейн А. К., Дядьков П. Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). Новосибирск, 2001. 239 с.

Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Новикова О. И., Чемякина М. А., Ефремова Н. С., Марченко Ж. В., Овчаренко А. П., Рыбина Е. В., Мильникова Л. Н., Васильев С. К., Бенке Н., Маништейн А. К., Дядьков П. Г., Кулик Н. А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2004. Т. 2: Материалы по археологии Сибири. Вып. 4. 336 с.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н. Керамика поселения Линево-1 переходного времени от бронзового к железному веку предгорной зоны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 года. Новосибирск, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 400–405.

Мильникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. Н., Мильников В. П. Невзоро-

ва И. В., Савин А. Н., Паринов Р. О. Исследование поселения Линево-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2003 года. Новосибирск, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 459–463.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. Н., Кобелева Л. С. Археологическое изучение поселения Линево-1 (Новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 года. Новосибирск, 2004. Т. 11, ч. 1. С. 390–393.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. Н., Савин А. Н., Кобелева Л. С., Сяткин В. П., Паринов Р. О. Работы на поселении Линево-1 в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 года. Новосибирск, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 431–436.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. Н., Кобелева Л. С., Савин А. Н., Сяткин В. П., Мыльников В. П. Работа на

памятнике Березовый Остров в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 года. Новосибирск, 2006. Т. 12, ч. 1. С. 450–455.

Папин Д. В., Шамшин А. Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII – III в. до н. э. Томск, 1977. 141 с.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.

Троицкая Т. Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 54–69.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 183 с.

Материал поступил в редколлегию 17.06.2008

L. N. Mylnikova, I. A. Durakov, L. S. Kobeleva

THE CERAMIC COMPLEX OF OBJECT BEREZOVOY OSTROV-1 (REGION OF NOVOSIBIRSK) FROM EXCAVATION 06/01

The transition from the Bronze Age to the Iron one was multifaceted, complex and, obviously, relatively long. But a single time-frame of this period for the territory of Western Siberia is difficult to establish. With all this going on, lower and upper limits, fixing, respectively, the beginning of the late bronze cultures transformation and the completion of the early Iron Age cultures formation, in different regions of Siberia may have different dates. The analysis of new ceramic collections from excavation 06/01 of Berezovy Ostrov-1, and similar objects of the transition time confirms the hypothesis made earlier on the simultaneous existence of pottery traditions of the transition time from the Bronze Age to the Iron one and the early Iron Age. The date for the later stage of the transitional objects, as well as the moment of arrival of a new population of earlyskithian appearance is the end of the VII – VI the centuries BC.

Keywords: Western Siberia, the transitional time from the Bronze to Iron Age, early Iron Age, settlement, a ceramic complex.